

За образцовую советскую книгу!

Велико и неопределимо значение книги для советского народа. Социализм волею в жизнь выносит мечту лучших людей прошлых веков: книга должна до широкайших слоев населения. Ее любят, читают, по ней учатся массы рабочих, колхозников. Она стала духовной потребностью людей, их оружием в борьбе за коммунизм.

Максим Горький превосходно сказал: «Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего». Вожди трудового человечества Ленин и Сталин предвещали неразрывную дружбу народа с книгой в эпоху социализма. С первых же лет советской власти партия большевиков окружала книгоиздательское дело своей постоянной заботой. Страна получила развитую, отлично оборудованную полиграфическую базу. Необыкновенно выросло мастерство изготовления книг. На многих всемирных выставках получили высшую оценку великолепно оформленные советские издания. Что особенно важно — массовая книга, издаваемая у нас многомиллионным тиражом, книга для народа издается в нашей стране с любовью и вкусом.

Нет другой страны в мире, где бы книгоиздательское дело приобрело такой всемирный, как у нас, характер. В этом нет ничего удивительного. В стране, где практически стираются грани между трудом физическим и умственным, — спрос на книгу, журнал, газету становится безграничным. В стране, где десятки народов на своих языках изучают творения основоположников марксизма-ленинизма, приближаются к духовным богатствам человеческой культуры, — нужны необычайные в мире тиражи. В стране, где учаща милые дети и взрослые, — книга необходима повсюду, как хлеб.

Последние годы в Советском Союзе ознаменованы все большим вторжением науки во все уголки народной жизни. Изобилие духовной культуры сопровождается еще более усиленным спросом на книгу. В этих условиях партия, правительство и лично товарищ Сталин уделяют непрерывное внимание делу полного удовлетворения возросших потребностей советского народа в книгах.

Новым выражением этой постоянной заботы партии и правительства является принятое на днях постановление «Об организации при Совете Министров СССР Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли».

Отныне организационно объединяются три тесно связанные между собой отрасли народного хозяйства, координируется работа трех рычагов заливного культурного погоя страны: издательство, полиграфия и книжная торговля. В едином конвейере создания образцовых книг соединяются усилия и самоотверженный труд людей многих профессий — от автора и редактора до полиграфистов и работников книжного прилавка.

Задачи, стоящие перед армией работников книжного дела, огромны!

Советская полиграфия должна в кратчайшие сроки стать могучей, централизованной отраслью нашей индустрии. Подобно тому, как бурно развивались наша металлургия, наше станкостроение, наша автомобильная и тракторная промышленность, должно выдвинуть вперед семимильными шагами развитие мощного полиграфического машиностроения. Делю всей страны — осязать советскую полиграфию самой передовой в мире техникой. Главным управлением предостоят позаботиться об укрупнении типографий, о капитальном строительстве, в особенности, предприятий многокрасочной печати.

В свое время «Литературная газета» привлекала внимание общественности к положению районных типографий. В Курской области они были размещены «в тесноте и в обиде», не было надлежащего снабжения их шрифтами, запасными частями, а почта и топливо. Такая же картина наблюдается и в Горьковской, и в Смоленской, и в других областях. Неотложная задача Главного управления — с первых же дней поставить на государственные рельсы материально-техническое снабжение полиграфических предприятий и в первую очередь сотен и тысяч районных

типографий, выполняющих по всей стране большое политическое дело. С каждым годом растет и совершенствуется мастерство производства книг. Многие советские издательства могут гордиться высокой оценкой со стороны советских читателей любовно оформленных и отлично изготовленных книг. Однако зачастую в работе издательств и типографий проявляется снижение требований, и тогда начинается брак, самый непопулярный, самый неблагоприятный и позорный — книжный брак. Главное управление должно мобилизовать всю армию издательских и типографских работников на усиление борьбы за качество книги.

Подготовка и переподготовка кадров полиграфии и книготорговли должны занять особое место в деятельности Главного управления. В этой связи советская общественность предъявляет большой счет Министерству трудовых резервов СССР. Необходимо пересмотреть программы обучения и кадры мастеров-производителей в ремесленных училищах и школах ФЗО, решительно повысить качество обучения. Министерство высшего образования СССР должно со своей стороны вплотную заняться созданием необходимых условий для успешной работы Полиграфического института в Москве, одного из двух институтов в стране, готовящих кадры командиров полиграфической промышленности.

Интересы советского читателя, его потребности должны быть положены в основание единого государственного тематического плана выпуска литературы. До сих пор в ряде издательств, в особенности ведомственных, не введено формальное планирование тиражей, без учета полных потребностей масс. Дорого обходится стране также и безотчетная практика дублирования книг, ненужный параллелизм в тематических планах. В самом деле, есть ли кака-либо необходимость в издании одной и той же научно-популярной книжки в издательствах «Молодая гвардия» и «Московский рабочий» или одной и той же массовой сельскохозяйственной брошюры в Сельхозгизе и Чкаловском издательстве.

Создание Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли поможет в скорейшем времени упорядочить продвижение книги из типографии к книжному прилавку и устранить существующие помехи на этом пути с тем, чтобы предельно сократить сроки, отдаляющие выход значительного объема книги от получения всего тиража читателями.

В самые дальние районы страны, до каждого села и деревни должна быть доведена книга с помощью мощной развитой книгопроводящей сети. Надо воспитать у работников книготорговли понимание того, что работник книжного прилавка выполняет прямую роль пропагандиста партии, воспитателя масс.

Писатели советской страны всегда были в деловой и дружеской связи с работниками бумажной промышленности. Вот уже более года осуществляется своего рода шефство Союза советских писателей СССР и «Литературной газеты» над производственными коллективами бумажников. Отлично сказал об этом Леонид Леонов на XV съезде профессионального союза рабочих бумажной промышленности: «Наша установившаяся дружба не есть простое приятельство двух извечных соседей — бумажников и писателей, из которых один гонит свою бесконечную ленту, а другой пописывает на ней. В ленинско-сталинскую эпоху мы с вами стали смежниками в великом и бесконечно ответственном деле, которое называется социалистической культурой».

Новые задачи практической деятельности открываются теперь перед Союзом советских писателей СССР. Среди комиссий Союза советских писателей СССР есть две бездействующие комиссии: по полиграфии и по книготорговле. Такое положение нетерпимо. Нужно оживить эти комиссии, привлечь к ним писательскую общественность. Секретариат ЦСП следует закрепить найденные формы дружбы, совместной работы писателей и важнейших отраслей труженников социалистической культуры, тех, кто производит книгу и кто ее продвигает к читателю.

Советская книга — могучее оружие коммунизма, боевое средство партии в деле коммунистического воспитания народа. Изданию образцовых книг, своевременному и культурному продвижению книги в массы — внимание и действительная помощь всей советской общественности!

и областных типографий, выполняющих по всей стране большое политическое дело. С каждым годом растет и совершенствуется мастерство производства книг. Многие советские издательства могут гордиться высокой оценкой со стороны советских читателей любовно оформленных и отлично изготовленных книг. Однако зачастую в работе издательств и типографий проявляется снижение требований, и тогда начинается брак, самый непопулярный, самый неблагоприятный и позорный — книжный брак. Главное управление должно мобилизовать всю армию издательских и типографских работников на усиление борьбы за качество книги.

Подготовка и переподготовка кадров полиграфии и книготорговли должны занять особое место в деятельности Главного управления. В этой связи советская общественность предъявляет большой счет Министерству трудовых резервов СССР. Необходимо пересмотреть программы обучения и кадры мастеров-производителей в ремесленных училищах и школах ФЗО, решительно повысить качество обучения. Министерство высшего образования СССР должно со своей стороны вплотную заняться созданием необходимых условий для успешной работы Полиграфического института в Москве, одного из двух институтов в стране, готовящих кадры командиров полиграфической промышленности.

Интересы советского читателя, его потребности должны быть положены в основание единого государственного тематического плана выпуска литературы. До сих пор в ряде издательств, в особенности ведомственных, не введено формальное планирование тиражей, без учета полных потребностей масс. Дорого обходится стране также и безотчетная практика дублирования книг, ненужный параллелизм в тематических планах. В самом деле, есть ли кака-либо необходимость в издании одной и той же научно-популярной книжки в издательствах «Молодая гвардия» и «Московский рабочий» или одной и той же массовой сельскохозяйственной брошюры в Сельхозгизе и Чкаловском издательстве.

Создание Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли поможет в скорейшем времени упорядочить продвижение книги из типографии к книжному прилавку и устранить существующие помехи на этом пути с тем, чтобы предельно сократить сроки, отдаляющие выход значительного объема книги от получения всего тиража читателями.

В самые дальние районы страны, до каждого села и деревни должна быть доведена книга с помощью мощной развитой книгопроводящей сети. Надо воспитать у работников книготорговли понимание того, что работник книжного прилавка выполняет прямую роль пропагандиста партии, воспитателя масс.

Писатели советской страны всегда были в деловой и дружеской связи с работниками бумажной промышленности. Вот уже более года осуществляется своего рода шефство Союза советских писателей СССР и «Литературной газеты» над производственными коллективами бумажников. Отлично сказал об этом Леонид Леонов на XV съезде профессионального союза рабочих бумажной промышленности: «Наша установившаяся дружба не есть простое приятельство двух извечных соседей — бумажников и писателей, из которых один гонит свою бесконечную ленту, а другой пописывает на ней. В ленинско-сталинскую эпоху мы с вами стали смежниками в великом и бесконечно ответственном деле, которое называется социалистической культурой».

Новые задачи практической деятельности открываются теперь перед Союзом советских писателей СССР.

Среди комиссий Союза советских писателей СССР есть две бездействующие комиссии: по полиграфии и по книготорговле. Такое положение нетерпимо. Нужно оживить эти комиссии, привлечь к ним писательскую общественность. Секретариат ЦСП следует закрепить найденные формы дружбы, совместной работы писателей и важнейших отраслей труженников социалистической культуры, тех, кто производит книгу и кто ее продвигает к читателю.

Советская книга — могучее оружие коммунизма, боевое средство партии в деле коммунистического воспитания народа. Изданию образцовых книг, своевременному и культурному продвижению книги в массы — внимание и действительная помощь всей советской общественности!

Подготовка и переподготовка кадров полиграфии и книготорговли должны занять особое место в деятельности Главного управления. В этой связи советская общественность предъявляет большой счет Министерству трудовых резервов СССР. Необходимо пересмотреть программы обучения и кадры мастеров-производителей в ремесленных училищах и школах ФЗО, решительно повысить качество обучения. Министерство высшего образования СССР должно со своей стороны вплотную заняться созданием необходимых условий для успешной работы Полиграфического института в Москве, одного из двух институтов в стране, готовящих кадры командиров полиграфической промышленности.

Интересы советского читателя, его потребности должны быть положены в основание единого государственного тематического плана выпуска литературы. До сих пор в ряде издательств, в особенности ведомственных, не введено формальное планирование тиражей, без учета полных потребностей масс. Дорого обходится стране также и безотчетная практика дублирования книг, ненужный параллелизм в тематических планах. В самом деле, есть ли кака-либо необходимость в издании одной и той же научно-популярной книжки в издательствах «Молодая гвардия» и «Московский рабочий» или одной и той же массовой сельскохозяйственной брошюры в Сельхозгизе и Чкаловском издательстве.

Создание Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли поможет в скорейшем времени упорядочить продвижение книги из типографии к книжному прилавку и устранить существующие помехи на этом пути с тем, чтобы предельно сократить сроки, отдаляющие выход значительного объема книги от получения всего тиража читателями.

В самые дальние районы страны, до каждого села и деревни должна быть доведена книга с помощью мощной развитой книгопроводящей сети. Надо воспитать у работников книготорговли понимание того, что работник книжного прилавка выполняет прямую роль пропагандиста партии, воспитателя масс.

Писатели советской страны всегда были в деловой и дружеской связи с работниками бумажной промышленности. Вот уже более года осуществляется своего рода шефство Союза советских писателей СССР и «Литературной газеты» над производственными коллективами бумажников. Отлично сказал об этом Леонид Леонов на XV съезде профессионального союза рабочих бумажной промышленности: «Наша установившаяся дружба не есть простое приятельство двух извечных соседей — бумажников и писателей, из которых один гонит свою бесконечную ленту, а другой пописывает на ней. В ленинско-сталинскую эпоху мы с вами стали смежниками в великом и бесконечно ответственном деле, которое называется социалистической культурой».

Новые задачи практической деятельности открываются теперь перед Союзом советских писателей СССР. Среди комиссий Союза советских писателей СССР есть две бездействующие комиссии: по полиграфии и по книготорговле. Такое положение нетерпимо. Нужно оживить эти комиссии, привлечь к ним писательскую общественность. Секретариат ЦСП следует закрепить найденные формы дружбы, совместной работы писателей и важнейших отраслей труженников социалистической культуры, тех, кто производит книгу и кто ее продвигает к читателю.

Советская книга — могучее оружие коммунизма, боевое средство партии в деле коммунистического воспитания народа. Изданию образцовых книг, своевременному и культурному продвижению книги в массы — внимание и действительная помощь всей советской общественности!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 14 (2501)

Среда, 16 февраля 1949 г.

Цена 40 коп.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ,
А. ЛИТВАК,
спец. корреспонденты
«Литературной газеты»

Победа на Днепре

Большая радость на берегах Днепра! Вчера, притаившись на работу, люди Днепроросса и Днепротраста узнали о телеграмме товарища Сталина:

«Поздравляю коллектив строителей и монтажников Днепротраста с достигнутыми победами — вводом в работу четвертого мощного агрегата Днепровской гидроэлектростанции, изготовленного советскими заводами.»

Уверен, что в 1949 году коллектив Днепротраста введет в эксплуатацию еще два отечественных агрегата такой же мощности и первый агрегат к началу весеннего паводка.

Желаю успеха в Вашей работе.

И. СТАЛИН

Победой назвал великий Сталин ввод в работу четвертого мощного агрегата Днепровской гидроэлектростанции. «Поздравляю коллектив строителей и монтажников Днепротраста с достигнутыми победами — вводом в работу четвертого мощного агрегата Днепровской гидроэлектростанции, изготовленного советскими заводами.» Так говорится в рапорте Днепротраста, адресованном в Москву, в Кремль, товарищу И. В. Сталину. Десятки электростанций воздвигла советская страна. По производству электроэнергии СССР занял одно из первых мест в мире еще в конце второй пятилетки. Среди величайших энергетических сооружений мира был Днепроросс, самое название которого стало символом социалистической индустриализации.

Война нанесла огромный ущерб нашему энергетическому хозяйству. Гитлеровские авиалайнеры взрывали плотины и машины здания, увозили в Германию турбины, котлы, генераторы.

В труднейших условиях военного времени советские инженеры, рабочие, техники начинали восстанавливать разрушенные врагом электрические станции. В мартовскую ночь военного 1944 года снова заработала на площадке Днепроросса динамомашинная мощность всего... в 3 киловатта. Зажались первые электродвигатели... Это было начало. Советские люди, люди горячего сердца, твердой воли и ясного ума, увидели в свете этих ламп залог второго рождения Днепроросса. Их превращение было! Для того, чтобы пустить первый агрегат на Днепре, советские энергетики и строители должны были многие десятки тысяч кубических метров бетона уложить в тело плотины, в шатровую стенку, восстановить здание гидростанции, изготовить и смонтировать множество металлических конструкций. И вот настал день, когда были убраны завалы, закрыты были донные отверстия, установлены все бычки плотины, опущены плиты. Подходил к концу монтаж первой турбины...

Но пустить ее оказалось невозможным. Задолго до войны ленинградский завод «Электросила» отказался от дисковых подшипников и изготовил новинку передовой техники — сегментный подшипник, который еще до войны был испытан на левом агрегате Днепроросса и оказался превосходным. С тех пор носители передовой техники — советские заводы — выпускали для гидрогенераторов большой мощности подшипники новой системы. Американцы же оказались в технике на отсталых позициях.

Американским льдам не удалось со-

бить в этом повинен? Американская фирма! Она была явно не заинтересована в том, чтобы быстро поднялась из руин войны советская индустрия!

Сейчас, когда на Днепророссе стоит в строю советский мощный гидроагрегат, люди Днепроросса вспоминают, как систематически срывали американцы сроки поставки электрооборудования, как не были отпущены во-время трансформаторы, раз'единители, электроаппаратура машинного зала, щиты и аппаратура защиты и управления.

Советские люди свершили то, что казалось невозможным. Они восстановили и смонтировали из остатков старых агрегатов все недостававшее, недополученное по вине американских поставщиков электрооборудование. В двадцатидвухградусный мороз строители, действовавшие под руководством инженеров Воробьева, Морозова, Шапкого, Серого, Смыгунова, бригадиров Бабенко, Черных, Савченко, Сняжковского и других, вели на двадцатиметровой высоте монтаж открытой подстанции.

Они сделали все для победы на Днепре, для пуска первого агрегата. И по праву товарища Сталина в марте 1947 года было заслуженной наградой восстановителям.

При монтаже второго и третьего агрегатов перед Днепророссами встали новые трудности. Американские поставщики оказались попросту браконьерами и захудалыми консерваторами. Огромный подшипник — так называемый подшипник — гигантского агрегата несет на себе многотонную нагрузку. Достаточно опустить при изготовлении подшипника какую-либо неровность, достаточно, чтобы на его диске оказалось «возвышение», хотя бы в несколько тысячных долей миллиметра, — и турбина может выйти из строя. И вот в дни пробной «прокрутки» второго агрегата были обнаружены тревожные колебания температуры дисков подшипника. В масляном насосе были обнаружены следы брака. Стало ясно: диск поврежден... Тогда подшипник разобрали в присутствии американских инженеров — представители фирмы — и нашли глубокий «запир». Подшипник был явно негоден. Это была работа браконьеров.

Задолго до войны ленинградский завод «Электросила» отказался от дисковых подшипников и изготовил новинку передовой техники — сегментный подшипник, который еще до войны был испытан на левом агрегате Днепроросса и оказался превосходным. С тех пор носители передовой техники — советские заводы — выпускали для гидрогенераторов большой мощности подшипники новой системы. Американцы же оказались в технике на отсталых позициях.

Американским льдам не удалось со-

бить в этом повинен? Американская фирма! Она была явно не заинтересована в том, чтобы быстро поднялась из руин войны советская индустрия!

Сейчас, когда на Днепророссе стоит в строю советский мощный гидроагрегат, люди Днепроросса вспоминают, как систематически срывали американцы сроки поставки электрооборудования, как не были отпущены во-время трансформаторы, раз'единители, электроаппаратура машинного зала, щиты и аппаратура защиты и управления.

Советские люди свершили то, что казалось невозможным. Они восстановили и смонтировали из остатков старых агрегатов все недостававшее, недополученное по вине американских поставщиков электрооборудование. В двадцатидвухградусный мороз строители, действовавшие под руководством инженеров Воробьева, Морозова, Шапкого, Серого, Смыгунова, бригадиров Бабенко, Черных, Савченко, Сняжковского и других, вели на двадцатиметровой высоте монтаж открытой подстанции.

Они сделали все для победы на Днепре, для пуска первого агрегата. И по праву товарища Сталина в марте 1947 года было заслуженной наградой восстановителям.

При монтаже второго и третьего агрегатов перед Днепророссами встали новые трудности. Американские поставщики оказались попросту браконьерами и захудалыми консерваторами. Огромный подшипник — так называемый подшипник — гигантского агрегата несет на себе многотонную нагрузку. Достаточно опустить при изготовлении подшипника какую-либо неровность, достаточно, чтобы на его диске оказалось «возвышение», хотя бы в несколько тысячных долей миллиметра, — и турбина может выйти из строя. И вот в дни пробной «прокрутки» второго агрегата были обнаружены тревожные колебания температуры дисков подшипника. В масляном насосе были обнаружены следы брака. Стало ясно: диск поврежден... Тогда подшипник разобрали в присутствии американских инженеров — представители фирмы — и нашли глубокий «запир». Подшипник был явно негоден. Это была работа браконьеров.

Задолго до войны ленинградский завод «Электросила» отказался от дисковых подшипников и изготовил новинку передовой техники — сегментный подшипник, который еще до войны был испытан на левом агрегате Днепроросса и оказался превосходным. С тех пор носители передовой техники — советские заводы — выпускали для гидрогенераторов большой мощности подшипники новой системы. Американцы же оказались в технике на отсталых позициях.

Американским льдам не удалось со-

Стихи киргизских поэтов о Ленине и Сталине

ФРУНЗЕ. (Наш корр.). Вышел из печати на киргизском языке сборник «Ленин и Сталин в киргизской поэзии». В сборник включены лучшие произведения народных певцов, скандитов и поэтов республики, созданные за 30 лет.

Книга открывается песней о Ленине знаменитого киргизского народного певца Токтогула Сатылганова. Эта песня была сочинена еще в 1918 году. Напечатано посвящение Ленину прославленного сказителя героического эпоса «Манас» Сатымбая Орозбакиев: он сложил свое посвящение в трудные дни 1924 года.

Особое место занимает в книге народная поэма «Палач батраков» о Ленине, сложенная одним из учителей Аташанского района Тянь-Шаньской области. Эта поэма публикуется в республике всенародно известностью. Полно представлены в сборнике произведения народных певцов — Алымкула, Калыка, Осмонкула и поэтов Алы Токмобеява, Джомарта Боконбаева и других.

В разделе, посвященном И. В. Сталину, напечатаны лучшие песни народных певцов Алымкула, Калыка, Осмонкула, Исмаила Борончиева и других. Помещены лучшие поэтические посвящения Сталину ведущих поэтов республики, созданные ими в годы сталинских пятилеток и Великой Отечественной войны.

Часть книги содержит стихотворные письма трудящихся Киргизии товарищу Сталину.

В сборнике участвует более 50 авторов.

Научно-исследовательские лесопункты в степи

Более двухсот научных сотрудников четырехнацита институтов и лабораторий Академии наук СССР примут участие в большой комплексной экспедиции по лесозащитному лесоразведению. В Институте леса активно готовится к этой экспедиции; она охватит все районы, где пройдут государственные лесные защитные полосы. Участвовать в экспедиции будут почвоведы, лесоводы, геоботаники, геологи, гидрологи, климатологи, микробиологи и многие другие специалисты.

В конце марта и начале апреля из Москвы выдут семь крупных отрядов экспедиции: уральский, заводский и нижневолжский, ставропольский, верхне- и среднедонские, саратово-камышинский. Особый интерес для исследователей представляют трассы будущих лесных полос по реке Урал от горы Вишневой до Каспийского моря и в Заволжье — от Чалаевска до Владимировки. Эти полосы должны будут играть роль основных выходов против губительных сухоухов, дующих с юго-востока. Ученые посетят здесь с весьма сложными почвенно-климатическими условиями выращивания леса. На трассах вместе с работниками Академии наук будут вести исследования сотрудники всевозможных институтов лесного хозяйства и агролесомелиорации.

Одна из главных задач экспедиции — научно-методическая помощь в отводе земель под трассы лесных полос и в разработке технических проектов посадок лесов, а также в организации питомников и заготовке семенного материала. Ученые проведут комплексные исследования климата, почвы, гидрогеологии, изучат условия прироста лесов в намеченных районах.

СССР направит для изучения условий лесозащитного лесоразведения на землях колхозов и совхозов.

Кроме того, чтобы более углубленно изучать многие проблемы, в открытой степи широко создаются стационарные комплексные научно-исследовательские пункты. Этим летом они приступят к работе.

Скоро выйдут в свет две брошюры, подготовленные Институтом леса. В одной из брошюр, предназначенной для колхозников, будут популярно изложены основные научно-исследовательские положения лесозащитного лесоразведения; вторая рассчитана на агролесомелиораторов, лесоводов и других специалистов.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«С этим мириться нельзя!»

В статье под этим названием, напечатанной в газете 8 января 1949 г., писатель Евгений Воробьев сообщал о недостатках в благоустройстве важного промышленного центра города Магнитогорска.

Как сообщает председатель Магнитогорского горисполкома тов. П. Корнилов, исполком горсовета обсудил статью «Литературной газеты» и признал, что факты, изложенные в ней, соответствуют действительности.

Для устранения указанных газетой недостатков горисполком обязал соответствующие местные организации рассмотреть план благоустройства города на 1949 год, привлекая к этому делу предприятия города.

Главному архитектору тов. Дулину и заведующему горкомхозом тов. Кулешову предложено проверить правильность ведения застрок в Магнитогорске.

Госстройконтроль и главный архитектор города должны следить за тем, чтобы вновь возводимые здания не свалились в эксплуатацию при наличии каких-либо недостатков.

Заведующему горкомхозом тов. Кулешову предложено заняться упорядочением наименования улиц; заведующему горгоротделом — пересмотреть распределение городской территории в городе.

Горисполком специально возложил контроль за исполнением решений, связанных со статьей в «Литературной газете», на заместителя председателя исполкома Магнитогорского горсовета депутатов трудящихся тов. Н. Маликова.

«О песнях и песенниках»

15 января в «Литературной газете» была опубликована корреспонденция «О песнях и песенниках». В ней говорилось о том, что во многих городах страны отсутствуют в продаже сборники песен.

Начальник центрального управления Союзпечати Министерства связи СССР тов. Рамсин прислал в редакцию письмо, в котором сообщает, что центральная и республиканская розничная конторы Союзпечати дано указание расширить торговлю песенниками.

Прекрасно ваше искусство, товарищи!

Президиум Союза советских писателей СССР поручил мне передать Всесоюзному съезду профессоров работников полиграфического производства и печати самый искренний, самый сердечный привет от имени ваших товарищей по труду — советских писателей.

В нашей стране культура книги находилась издавна на высоком уровне. Достаточно взять в руки книгу пушкинской эпохи, чтобы почувствовать, какие искусства печатного дела, какие тонкие художники, графика, какие умелые издатели воздвигли на Руси в то время, когда был создан Пушкиным новый русский литературный язык!

Однако настоящего расцвета в искусстве книжного дела мы достигли после Великой Октябрьской социалистической революции. Этот новый этап заключался в невиданном росте книгопечатания в советских типографиях, которые сделали общеправовым достоянием. Этот новый этап отражен в громадном скачке вверх тиражей наших изданий.

Вместе с громадным увеличением тиражей наши полиграфисты стремлись совершенствовать качество своего благородного труда и давать новые образцы красивой, художественной книги.

Читательская жажда, пробужденная общими духовными потребностями русского народа, но и всех освободившихся народов, насыщаясь прежнеею Россией, привела к тому, что к печатникам были предъявлены у нас большие требования. Советский читатель борется за обилие культуры. Он хочет иметь много разнообразнейших книг и, вместе с тем, непременно хороших. Читатель хочет иметь книгу, долго живущую и на книжной полке, и в его руках.

У нас читают сейчас во всех городах и во всех деревнях; любят и уважают книгу все наши народы. И замечательно, что отовсюду, песнотра — по непримиримый рвет гиряжи, поются одинаковые голоса: мало книг, все еще мало книг, и непременно хороших книг, книгу во всех отношениях хороших, лучших, но вступительное содержание, и по внешнему виду.

Мы мечтали того, что уже умеем выпускать хорошую книгу в массовом издании. Можно гордиться тем, что мы не только печатаем издания в стотысячных тиражах, но и тем, что такие тиражи отвечают почти в полной мере высоким художественным требованиям.

Конст. ФЕДИН
выступил на II всевозможном съезде профессоров работников полиграфического производства и печати

У нас выпускают отличную книгу, и это не любительские изделия, это — народные, массовые издания на высоком художественном уровне.

Но не надо закрывать глаза на ваши пороки и недостатки. Прежде еще и богатое издательство выпускает бедные книги, фундаментально оснащенные типографии печатают и шьют книгу так, будто бы они работали в траншеях, во время артиллерийского обстрела.

Разрыв между нашими художественно выполненными изданиями и изданиями «против» будет сильно мешать нашему книжному делу, тормозить его, если полиграфия не перестанет не делать нового качественного шага вперед. И это прежде всего касается серьезной подготовки молодых сил.

Надо помнить, что книга — это не просто фабричное изделие. Книга — это произведение человеческого духа, где мысль сочетается с искусством. Книга — это светоч советской культуры.

В 1922 году ЦК ВКП(б) в письме «О деле печати» заявил: «В руках рабочего класса печать — сильнейшее оружие борьбы, незаменимое средство просвещения, пропаганды, агитации, организации широких масс; с другой стороны, в руках наших врагов печать является оружием замещения сознания трудящихся, их заблуждения и угнетения».

Мы обязались со всей страстью и со всей любовью совершенствовать это наше сильнейшее оружие борьбы, чтобы оно окончательно перешло в противные нам руки наших врагов.

Выдающийся русский ученый, покойный президент Академии наук СССР, Александр Петрович Карпинский, очень кратко сказал когда-то о книгопечатании: «Такого всеобъемлющего социально-политического значения, какое имеет книгопечатание, можно сказать, ничто не имеет».

Великий русский писатель Максим Горький в одном из писем ко мне выразил свое понимание книги необычайно кратко и сильно. «Книга для меня — чудо», — писал он.

И это действительно так! Книга, действительно, «чудо», особенно если поду-

мать о роли книги и месте ее в жизни Советского Союза, где книгу держат в руках каждый гражданин, как моряк держит компас.

У нас сейчас в целях радикального улучшения книгопечатания, издательского дела и книжной торговли создано Главное управление полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли при Совете Министров СССР.

Такая крупнейшая реорганизация полиграфической промышленности, издательства, распространения книг дает всему книжному делу стремительное движение вперед, движение, которое соответствует великим целям послевоенной сталинской пятилетки.

Поможем этому великому делу, товарищи!

Я хочу напомнить вам об одном замечательном вторичном факте.

До восьмидесятых годов прошлого века в городе Ляове, в Онуфриевской церкви, еще сохранилась трехсотлетняя давности вагробная плита из песчаника. Под плитой этой был похоронен прах Ивана Федоров, «друзья-москвитянина». В свое время с этой плиты был сделан слепок русским археологом Уваровым, и слепок этот хранится у нас.

На слепок хорошо читается надпись о московском первопечатнике. В своем пятиречном письме к Сталину:

«Дружарь книг
Пред тым
Невыданным».

Вот историчес

ХОЗЯЕВА РАСЦВЕТАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

В глубине Сальских степей, в ста пятидесяти километрах от города Ростова-на-Дону, есть колхоз имени П. В. Сталина. На днях сюда съехался сотня людей: секретари райкомов партии, председатели колхозов, агрономы. В колхозе состоялось совещание, посвященное передаче опыта по освоению травопольной системы земледелия.

Виталий ЗАКРУТКИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

носящий имя величайшего человека современности, сделал неприметную, дилкую степь чудесным краем золотых урожаев.

— В районе шестьдесят восемь колхозов, — сказал Зимоцев, — их доход равен 22.589.000 рублей. На этой сумме колхозы Сталина принадлежат 3.136.000 рублей, то есть сорок процентов всех колхозных доходов в Сальском районе. У нас в колхозе из семисот трудоспособных колхозников пятсот получают дополнительную оплату за высокий урожай. Мы освоили травопольный севооборот, занялись животноводством, птицеводством, виноградарством, оборудовали механические мастерские, пуская электростанцию, построили кирпичный завод, мельницу, водопровод протяженностью в четыре тысячи метров...

Из выступления секретаря парторганизации тов. Смыкова делегаты узнали о том, как коммунисты колхоза борются за высокие урожаи и как колхозники работают над повышением своей общей и агрономической культуры.

— Наши колхозники получают по индивидуальной подписке триста экземпляров газет и журналов, — доложил Смыков. — Мы подготавливаем четыреста с лишним радиоточек, создали свой оркестр, организовали детские ясли, библиотеку, привели в порядок стадион. Только в шахматной секции при нашем клубе состоит пятьдесят колхозников. В колхозе много велосипедов, есть личные мотоциклы, многие имеют багги...

Потом выступил бригадир тракторной бригады Герой Социалистического Труда Васильченко, дважды награжденный орденом Ленина звеньевая Мария Янчук, лесомелиоратор Иванча, конюх Федоренко.

Они рассказали, как трудно было им восстанавливать разрушенный в дни оккупации родной колхоз, как они работали не покладая рук и добились высоких урожаев...

Белокурая Маша Янчук, шурша нарядным платьем, стала у кафедры и заговорила так непринужденно, точно она была опытным доцентом с большим стажем и читала привычную для нее лекцию в знакомой аудитории.

— Каждому известно, что семя требует света, тепла, воды и пищи, — сказала Маша. — Наше зено особое внимание уделяло покоем озимых. Мы ринулись удобрить поля навозной жижей. Оборудовали длинный деревянный желоб, а в нем просверляли тридцать восемь дырочек. Этот наш агрегат являлся по сути, а в него наливали навозную жижу, смешанную с водой. Товарищи уже знают по планграммам, какой урожай мы получили. Правительство награждало меня за этот урожай вторым орденом Ленина...

Совещание в колхозном клубе длилось два дня, и вряд ли есть необходимость подробно излагать содержание всех докладов и выступлений. Нас в данном случае интересует другое.

Прежде всего интересно то, что важнейшее совещание областного масштаба проходило не в городском театре и даже не в городе, как это обычно бывает, а в одном из глубинных колхозов Дона. Тут люди увидели заветный день нашей деревни, причем увидели «весомо, грубо, ярмо».

Когда мы слушали докладчиков-звеньевых, рядовых советских колхозников, нам припомнились всевозможные Америки и стран буржуазной Европы: пресловутый «закон прогрессивно убывающего плодородия», кривляния идеолога «агротееософ-

ского» мракобесия Рудольфа Штейнера, мрачная проповедь возврата к библейским методам земледелия.

Нам припомнились недавнее фарисейское письмо англичанина Генри Лейла, помешавшего упрямству нас в том, что в нашей стране якобы нет «честного и открытого конфликта научных мнений». Впрочем, сэр Г. Лейл, очевидно, разделяет убеждения своего соотечественника лорда Альберта Говарда, который, будучи имперским советником по сельскому хозяйству, заявил: «Сельскохозяйственное исследование настолько трудно, что оно доступно только избранным личностям».

Что бы, интересно, сказал лорд Говард, если бы он послушал ораторов-колхозников в Сальских степях?

Эти люди говорили о факторах жизни растений, о структурной и бесструктурной почве, о лучении стержня, о «мертвом горизонте», о производственно полезных почвенных водах... Они выступили, как хозяева освобожденной, расцветающей земли, как истинные творцы, глядящие вперед и выходящие коммунизму.

Для нас, участников совещания, выходящие успехи колхоза имени Сталина не были неожиданными. Мы знали этот чудесный колхоз, превративший дилкую степь в сказочный оазис. Мы, конечно, интересовались живыми фактами того, что растли умные и деятельные руки сталинцев. Мы выжидали, затаив дыхание, слушая речь каждого оратора: звеньевых, бригадиров, агронома, конюха.

Но нас в такой же мере интересовало и то, что происходило в колхозном клубе в те минуты, когда председатель объявлял: — Перерыв на пятнадцать минут!

Во время перерыва делегаты обменивались впечатлениями, походили к книжкам, в которых покупали сотни книг, небольшими группами стояли у колхозной выставки.

У витрины с саженцами деревьев стоял широкоплечий коренастый мужчина в бархатной толстовке, на которой сверкала звезда Героя Советского Союза. Мы позакладывались, заговорив о семенах татарского клена.

Клименко Николай Сергеевич, председатель колхоза имени Ворошилова Александровского района, — хрипловато сказал мой собеседник...

Четыре года тому назад майор Клименко одним из первых назвал свой танковый батальон через Шпрее, круша последних гитлеровских солдат, промчался по Унтерден Линден и в сорока метрах от рейстага был тяжело ранен осколком в горло. После войны он вернулся в родные места, был избран председателем колхоза и отлично повел хозяйство.

— Хорошо сталинцы работают, — удовлетворенно протянул Николай Сергеевич, — у них есть чему поучиться... Глядишь на их дела и как будто книгу про коммунизм читаешь...

Он тронул меня за рукав и сказал, хитро улыбаясь:

— А вы, между прочим, ежели будет время, приезжайте в наш колхоз, поглядите, как мы хозяйствуем. Занял посевы озимых мы переуплотнили. Зябь подыняли свои, лесопосады насалили, закладываем свои лесопосадки, реку углубляем на протяжении пятисот метров, к первому мая пускаем электростанцию... Государству мы не должны ни одного зернышка... Мясопоставку за год вперед сдали... Присежайте, поглядите, как мы живем...

Он поднялся и взял меня за локоть: — Здорово мы живем... Дорога у нас широкая... Сталинская дорога...

Колхоз им. Сталина, Сальский район Ростовской обл.

Письма читателей

Учебник, который отстал от жизни

Перезданный Учебдгизом в 1948 году учебник Н. Баранского «Экономическая география СССР» по сравнению с прежним значительно устарел: многие разделы в нем устарели, цифры устарели, учебник хорошо оформлен, отпечатан на хорошей бумаге.

Но есть в нем и недостатки. Учебник явно отстал от жизни. Я хочу выразить Учебдгизу претензии от имени города Сырзари (Куйбышевской области). Город наш, правда, небольшой. Ему отведено в учебнике на 169-й странице всего 5 строк, но и в этих пяти строках можно было бы сказать о городе то, что в нем действительно имеется, а не то, что было в нем чуть ли не до революции.

За годы советской власти город наш сильно вырос, стал крупным промышленным центром. Липо города преобладают сильно развитая машиностроительная и нефтяная промышленности. Есть у нас также сланцевый завод, два крупнейших в Союзе асфальтовых завода, несколько крупных мельничных заводов и кирпичный, стекольный.

И потому нам, сырзарицам, очень обидно читать в учебнике, что в Сырзари есть «значительная» швейная, лесопильная и кожевенная промышленности. Эти сведения давным-давно устарели, а названные в учебнике «значительные» отрасли промышленности представлены мелкими полукустарными заводиками. Мы наделись, что в новом издании эти ошибки будут исправлены, но, как оказалось, все осталось попрежнему. Учебник, который учащи по этой книге в сырзариных школах, в большой обиде на Учебдгиз за свой родной город.

Л. БЕЛОВА

Нетерпимое отношение к молодому мастеру

В Москве имеется шесть ремесленных училищ, готовящих мастеров художественно-отделочных работ для городского хозяйства столицы. Осенью минувшего года училища выпустили более пятисот человек. Около 400 выпускников были направлены в управления и тресты Московского Совета. И вот, как ни странно, в этих организациях молодые специалисты, на обучение которых государство затратило десятки тысяч рублей, используются не по назначению.

В тресте передвижки и разборки зданий из 18 лепшиков-модельщиков художественной лепкой и моделированием занимались только двое. В Управлении дорожно-мостового строительства 26 резчиков по камню были направлены на дорожные работы. На строительство треста «Мосремонт» лепшики-модельщики и краснодеревцы грузили шлак, работали конюхами. В самом тресте «Мосремонт» специалисты по художественной росписи потолков и стен (альфрейщики) в течение пяти недель вообще ничего не делали, а затем трест откомандировал их на базу «Машиностройпрокат» Мосжилуправления, которая занимается лишь механической покраской фасадов и кровель и прокатом строительных механизмов. Для того чтобы чем-нибудь занять альфрейщиков, руководство базы поручило им расписать стены и потолки своих кабинетов. Когда же это задание было выполнено, управление Службы по советской альфрейщикам... уйти в долгосрочный отпуск за свой счет. Молодые мастера разбрелись по различным артелям, где расписывают всякие безделушки, делают куклы.

Проходят несколько месяцев, и ремесленные училища выпускают еще сотни живописцев, резчиков по камню, лепшиков — людей, способных выполнять в натуре любые замыслы архитектора. Возникает вопрос, чем же они будут заниматься, где будут работать, если первые выпускники не могут найти себе применение?

И. РЕМИЗОВ, А. МИЛЯВСКИЙ

НАШ ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК

«В период исключительно напряженной борьбы двух систем на идеологическом фронте я хоту быть в партии Ленина» — Сталина, чтобы в первых ее рядах бороться за торжество диалектико-материалистических идей, за демократическое преобразование мира, против реакционных философствующих идеологий.

С таким заявлением обратился в прошлом году в партийную организацию Института микробиологии старшей ученицей нашей страны, почетный академик Николай Федорович Гамалея, 90-летие которого отмечает завтра советская общественность.

65 лет назад, когда молодой микробиолог начал свою научную деятельность, он думал посвятить себя единственной цели — борьбе с инфекционными болезнями, которые всегда были бичом человечества. Он горячо и страстно начал эту борьбу. Но вскоре увидел, что на этом пути ему придется давать бой и другому врагу человечества — реакционному мракобесию.

Реакционеры в мантиях ученых всецело препятствовали развитию молодой материалистической науки. Н. Ф. Гамалея смело стал на защиту передовых идей своего века. И когда 62 года пазд в Парижской медицинской академии должен был состояться диспут, который мракобесы пытались превратить в суд над Луи Пастером, знаменитый ученик вызвал из Одессы телеграммой именно Н. Ф. Гамалея. Пастер был болен, намолен удрем, нанесенным ему врагами, он нуждался в защите, но не нагаса найти ее у своих ближайших учеников.

Почему же он обратился за помощью к молодому русскому микробиологу? Почему не искал подтверждения для научного боя ни в Париже, ни в Кельне, ни в Лейдене с их хваленными университетами?

Потому что лучшие представители русской науки, духовные цари революции — революционные демократы, еще в прошлом веке начали борьбу за передовое материалистическое естествознание. Эта борьба шла и в стенах Одесского университета, и в узком городе Козлове, и в столичной медико-хирургической академии, и под Москвой в Петровско-Разумовской академии.

Несмотря на то, что царская реакция награждала множество противников на пути передовой науки, ян в одной стране или в другой не получили такого развития, как в России. Сеченов, братья Ковалевские, Тимряев, Метchnikoff, Павлов. Мичурин были не только выдающимися исследователями, но и пламенными пропагандистами материалистического естествознания.

Перед нами простой, но аналитический перечень работ юбиляра. Книга, исследования, журнальные статьи, описания опытов. Список занимает 20 страниц. Это заключительный отчет о большом труде большой жизни.

Он ищет и находит активные средства и методы борьбы с опасными инфекционными болезнями, исследует на себе и своих близких действие созданных им вакцин. Он первым открывает явление бактериофаги, которые дают еще одно радикальное средство борьбы за здоровье человека.

В 1901 году иностранные пароходы застряли в Одессе чуму. В лаборатории Гамалея были доставлены взятые на выборку четыре тысячи крыс — разносчиков заразы. Их подвергли исследованию. Всеми оказались с чумными буконами. Этого было достаточно для начала огромного бедствия. Гамалея организовал эпидемический отряд. Власть оставалась в стороне от этого пророческого похода Добровольцы из числа врачей, студентов, городского населения истребляли крысы тысячами, десятками тысяч.

Так был погашен очаг черного мора. Поздней 1918 года. На трамбуну с'езд Союза Северных коммун (так в то время называлась Ленинградская область) поехал пожилой ученый — Н. Ф. Гамалея. Он говорит, что за десять лет (1904—1913) в России болело около 4 миллиона человек, погубила около десяти тысяч заболевших — 400 тысяч. Десятки тысяч людей ослепли. Царские власти ничего не сделали для борьбы с этим бедствием. Теперь пришло время для того, чтобы начать поход против оспы. В апреле 1919 года Ленин подписывает декрет о всеобщем и обязательном оспипрививании.

Вся жизнь Николая Федоровича Гамалея была посвящена напряженной и опасной борьбе с болезнями. И в преобладающей родной стране он увидел величайшие результаты своей работы. Это было наградой за усилия многих лет. Это было светлым, огромным счастьем.

На глазах ученого в советской стране ушли в прошлое печальные и страшные болезни. В 1927 году был зарегистрирован последний случай холеры. В 1938 году в последний раз советский врач поставил диагноз — «оспа».

Достаточно лишь одной из этих побед, чтобы имя человека, одержавшего ее, было занесено золотыми буквами в летопись отечественной науки.

С юношеской свежестю воспринимая отдавался ученым каждой из своих работ. Эта черта не оставляет его и в преклонном возрасте. В советские годы старый ученый энергично разрабатывает ряд жизненно важных проблем профилактической и лечебной медицины, руководит крупнейшими научно-исследовательскими институтами страны. Переломные, новаторские идеи находят у него поддержку.

Не раз Николай Федорович выступал против реакционеров-биологов, подчеркивал свою полную солидарность с учением Мичурина, со взглядами Лысенко.

Не раз он говорил, что свое высшее творческое развитие дарвинизм нашел в мичуринском учении. Этот вывод ему помогла сделать партия Ленина—Сталина, делом которой он стал в мичуринском году.

Бодрым, полным веры в грядущее Родину, встречает старейший ученик свой юбилей. Ранним утром, когда начинается трудовая день страны, подходит он к своему столу исследователя. Он продолжает трудиться над актуальнейшими проблемами советской медицины: изучает направления изменения бактерий; совершенствует свой способ лечения туберкулеза, восстановления тканей.

«Хочу идти с партией большевиков по верному пути — пути, ведущему к коммунистическому обществу», — так Николай Федорович Гамалея заключил свое заявление о просьбе принять его в ряды партии Ленина—Сталина.

Говоря словами Ленина, 90-летний ученый пришел к коммунистическому убеждению «через данные своей науки». Передовой материалистической науке нового мира — коммунизму — он отдает большей труд своей большой жизни.

Сегодня, накануне большого юбилея почетного академика Николая Федоровича Гамалея, писатели советской страны — друзья передовой науки — горячо поздравляют руку Николая Федоровича, неутомимого новатора, человека больших устремлений, борца за приоритет отечественной науки. Жизнь Николая Федоровича Гамалея в образце его страстного, творческого служения Родине — это волнующая тема, которая вдохновляет писателей. Радость больших свершений пусть не покидает вас, дорогой Николай Федорович!

Космополиты в кинокритике

И их покровители

В газете «Советское искусство» от 12 февраля опубликован редакционный обзор журнала «Искусство кино». Обзор называется: «С позиций стороннего наблюдателя». Авторы стремятся уверить, что единственной серьезной недостатком журнала «Искусство кино» является описательный, недостаточно активный, регистраторский характер его статей. Они пишут о «теоретической бедности» журнала, называя его «случайным собранием случайных статей».

Весь обзор написан с таким расчетом, чтобы создать у читателей впечатление, будто бы никаких идейных ошибок или искажений у журнала не было. Все дело, мол, только в том, чтобы стать «активнее».

Однако, обращаясь к деятельности «Искусство кино», мы видим, что журнал достаточно активно привел свою линию — антипатристическую, враждебную советской культуре. Журнал «Искусство кино» стал откровенным рупором презренных идей буржуазного космополитизма и эстетства.

Перед нами статья одного из самых задалых приверженцев формализма В. Волькенштейна «Драма и кино» («Искусство кино» № 2, 1947).

Так же, как и в своем основном «теоретическом» труде, в книге «Драматургия», написанной свыше двух десятков лет тому назад, автор совершенно игнорирует вопросы содержания, считая единственным признаком драмы и сценария абстрактный «драматизм», противоборство различных сил. Этот пресловутый «драматизм», славнейший уже не одного формалиста и эстетца, — вспомним хотя бы недавние «визмаксия» Л. Данина, — поминается В. Волькенштейном в всякой связи с конкретным содержанием. Глав-

ное, был бы конфликт, а что о чем «конфликтует» — это вопрос «второстепенный». И неудивительно, что под обезличивающим пером формалиста в одном ряду оказываются и вражда Петра I с Алексеем (капюшным «Петр Первый»), и борьба комманданто Матвеева с диверсантами («Ленин в 1918 году»), и конфликт Чапаева с Фурмановым («Чапаев»), хотя и ребенку ясно, что между всеми этими «конфликтами» по существу нет ничего общего.

Известно, что формализм — родной брат низкопоклонства. Статья В. Волькенштейна лишний раз подтверждает это.

Говоря о той или иной формальной особенности киноценария, он в один ряд ставит и советские фильмы и продукцию буржуазной американокой и английской кинодраматургии.

Автор не только не желает видеть никакой принципиальной разницы между советским и буржуазным киноискусством, но откровенно соскочит из порочнейших космополитических представлений о «единой мировой кинодраматургии».

Правда, в одном случае все-таки умеряет он различия между советскими и американскими фильмами. По его мнению, американские фильмы больше тяготеют к драме, в единому сконцентрированному действию, а советские картины носят более «эпический» характер. Но так как секрет успеха автор видит только в «драматизме», то сам собой напрашивается «вывод», вполне достойный всей этой космополитической страсти: с точки зрения В. Волькенштейна, американские фильмы ближе к «истинному» типу киноискусства. И подобные бредни рабствующего низкопоклонника журнал выдает за теоретические работы!

Глядя на космополитический шумок отдает статья П. Вало «Искусство мультипликация» (№ 6, 1947). Если верить автору, отличие советских художников-мультипликаторов от американских состоит лишь в том, что в одном случае картина делается «из бело-серо-черных тонов и по-

лучах», а в другом представляет собой «линейно-штриховой рисунок». Не видя принципиального идейного различия между работой советских и американских киномастеров, автор статьи клеветает на советских художников. Неужели достаточно какому-нибудь американскому киноискусственику, вроде архирекционного Диснея, воспользоваться «бело-серо-черными тонами», чтобы он сразу же достиг уровня советских фильмов?

На страницах журнала за 1947 и 1948 гг. опубликован ряд статей о зарубежном кино — американском, английском, итальянском, французском. Вместо острой, разоблачительной критики современного буржуазного киноискусства, взятого на вооружение империалистической реакции, мы находим здесь нейтральные, безудные «обзоры» с объективистским изложением содержания фильмов. А тон некоторых обозревателей нельзя назвать иначе, как рекламным. А. Эрштрем, например, подает, что советское читателя может в какой-то мере интересоваться то, что «Ингрид Бергман, безусловно, самая популярная звезда Голливуда, сменила пыльные костюмы авантюристки в «Соратогатранк» на монашеское одеяние в «Боговолах св. Марии» и на калат врача-психиатра в «Заколдованном» (№ 2, 1947) и т. д. и т. п.

Г. Авенариус в статье «Организация с'емочного процесса в Голливуде» (№ 3, 1947) пишет: «На почве такой системы в Голливуде воспитались своеобразные (!), высокого класса (!) специалисты-профессионалы, в совершенстве (!) овладевшие техникой мастерства...».

Так объективизм уступает место разнузданным восторгам и похвалам в адрес «первоклассных» голливудских «мастеров».

Вредная, непроходимая путаница отдает статья Н. Оттен, одного из самых плодовитых сотрудников журнала. В статье с характерным заголовком «Законы жизни и законы жанра» (№ 2, 1947) он пытается сопоставить американские и советские спортивные фильмы. В основе американского фильма, узнаем мы, лежит конфликт между талантом спортсмена, его жизненным призыванием и необходимостью бороться за существование. Т. е. «конфликт социальный, а потому в мичуринский и выростающий до больших «обобщений»: советские же сценаристы отражают действительность, где подобный

конфликт не имеет места, и поэтому, дескать, им приходится строить конфликт, основанный на мелких недоразумениях. Трудно понять, чего больше в этих рассуждениях — глубокого невежества или злопыхательства против советского социалистического искусства?»

В другой статье неуемный Оттен высмеивает критиков, связывающих большие успехи нашего документального фильма с теми реальными явлениями действительности, которые в нем запечатлены. Такое представление опасно, поучает Оттен, ибо в данном случае «подлинное явление реальной действительности как бы заслоняют (!) и профессиональные достижения и профессиональные «болезни» документальной кинематографии» (№ 4, 1948).

Как видим, Оттен даже не считает нужным скрывать свою прямую нелюбовь к нашей действительности. Этот безудный опустошенный эстет договаривается до того, что современная жизнь советского народа — народа героев, тружеников, создателей — может «заслонить!» профессиональные достижения киноискусства! Разве в наших лучших современных документальных фильмах не запечатлены с огромной художественной силой и волнующей правдивостью красота, богатство и мощь нашей Родины! Только бездельный формалист и космополит, которому не дороги замечательные достижения, героические деяния советского народа, может противопоставлять эту великую правду к красоте нашей жизни «профессиональным достижениям и профессиональным «болезням» искусства».

В этой же статье, рассуждая о жизнеутверждающем характере наших фильмов, Оттен торопливо оговаривается, что «речь идет о «пафосе утверждения», как об итоге решения художественной, а не только пропагандистской задачи».

Так эстетствующий формалист Оттен презрительно отводит от себя «попадение» в том, что он имеет в виду вопросы идейного содержания! Так Оттен пинично противопоставляет идею-воспитательную, пропагандистскую роль могучего советского искусства силе его художественной выразительности. Тем самым Оттен прямо выступает против самых основ нашей марксистско-ленинской эстетики, утверждая призрачность единства идеи и художественности, правды и красоты. Тем самым он расписывается в своей полной приверженности формализму, в корне

враждебному нашему искусству, которое одухотворено и вдохновлено нашей советской действительностью.

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедиться, что редакция «Искусства кино» не должна была и близко подпускать подобного жетеоретика к журналу. Вместо этого она любезно предоставляет ему место.

На страницах журнала Л. Тарабукин проповедует декаданс. Он ориентирует советских художников на Врубеля и уверяет авторов советского фильма «Каменный цветок» в том, что им «не удалось равняться по Врубелю» (№ 1, 1947).

Можно ли удивляться, что журнал «Искусство кино», став рупором космополитизма и формализма, не делал ни малейшей попытки бороться против формалистических вывертов в теории и практике кино. Мало того, редакция даже попыталась, так сказать, «теоретически» оправдать свою глупую, примитивную позицию. После постановления ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели она опубликовала статью Л. Шварца «О советской киномузыке» (№ 3, 1948), в которой черным по белому написано, что это постановление не имеет никакого отношения к киномузыке, которая якобы «не могла быть сильно заражена формалистическим влиянием» в силу своей обязательной программности. Отсюда вывожат об «относительную благополучность положения музыки в кино».

Статья Л. Шварца—это уже ничем не прикрытое, наглое и возмущительное выступление против великих решений партии об искусстве, пынчая защита формализма в киномузыке.

В ряде «теоретических» статей, опубликованных в журнале «Искусство кино», мы встречаемся с политически вредными, откровенно идеалистическими «концепциями».

И. Вайфельд, например, формулирует ленинские пожелания в таком чудовищно искаженном виде: «Ленин учил, — безапелляционно заявляет он, — что сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (№ 7, 1947). Под формулой И. Вайфельда охотно поддасался бы любой идеалист, любой махист. Ведь это именно они пытались «доказывать», что не бытие определяет сознание, а, наоборот, жизнь порождается сознанием, возникает «из идеи».

И подобные идеалистические бредни по-

вторяет человек, именующий себя советским критиком, а люди, называющие себя советскими редакторами, охотно печатают его.

Все эти факты свидетельствуют о том, что редакция журнала «Искусство кино», «теоретики», подвизавшиеся на его страницах, стоят на вредных, антипатристических, антипартийных позициях.

И потому глубоко вредным, порочным от начала до конца является редакционный обзор журнала, опубликованный в газете «Советское искусство» от 12 февраля 1949 г., согласно которому весь «трек» журнала состоял лишь в его пассивности, «нейтральности», серости. Нет, у группы кинокритиков, обманившихся в журнале «Искусство кино», своя определенная линия, своя «система взглядов», враждебная по всему своему духу и смыслу искусству советского народа. Это — взгляды эстетов, скамывавших мельчайшие «злагибы» формы, мертвой, оторванной от жизненного содержания, взгляды космополитов, тжовкавших по одной и нераздельной «мировой» кинодраматургии, пресмыкавшихся перед последними «достижениями» американского кино. Это взгляды людей, не имеющих ничего общего с могучим искусством нашего великого народа, стремящие лишить советский народ, нашу культуру, нашу историю, нашу драматургию, нашу литературу, нашу кинодраматургию, журналистику, операторов, актеров.

Объективный смысл теоретической «деятельности» этих злодействующих сошдился к тому же, к чему сводилась подвизная работа в драматургической критике гурвичей и новоских, в литературной критике суббоних и левых.

Наша партийная критика разгромит все тайные и явные гнездовья и убежища эстетов и бездельных космополитов, расчистит широкую дорогу могучему советскому искусству, достойному великой сталинской эпохи.

Культура народной Польши

За четыре года, прошедших после освобождения Польши от гитлеровской оккупации, правительство новой народно-демократической республики немало сделало в области развития культуры и просвещения.

И в городе и в деревне выросла сеть школ. Дети рабочих и крестьян получили широкий доступ в высшие учебные заведения. Журналы и книги стали постоянными спутниками людей, уделом которых в старой Польше была неграмотность. Тиражи ежедневных газет увеличились в четыре раза по сравнению с довоенными, а тиражи еженедельных изданий — в сотни раз. Произведения классиков марксизма-ленинизма расходятся в сотни тысяч экземпляров. Книга теперь добралась до самых захолустных деревушек Польши. Печатное слово, радио и кино перестали быть привилегией буржуазных слоев населения, стали доступными широким народным массам.

Общественный с'езд польских рабочих партий, который состоялся в конце прошлого года, дал ясное направление дальнейшему развитию польской культуры. Ликвидирован многолетний раскол в польском рабочем движении и объединен рабочий класс под знаменем марксизма-ленинизма, с'езд тем самым нанес решительный удар по влиянию буржуазных идеологов. А именно это влияние задерживало политическое развитие рабочих и крестьянской молодежи, затрудняло работу среди интеллигенции.

С'езд ясно сказал, что необходимо для строительства социалистической культуры в Польше.

«Основным условием для создания такой культуры», — говорится в его директивах, — является полная ликвидация неграмотности в стране, дальнейшее развитие школьной сети всех ступеней, особенно профессиональных школ, воспитание новых учительских кадров и эффективное улучшение положения учителей, повышение идеологического уровня преподавания в наших учебных заведениях, которое должно быть пронизано идеями марксизма-ленинизма, связь деятелей науки и искусства с народными массами и их борьбой, открытие доступа народу ко всем завоеваниям культуры...»

С'езд указал на те прогрессивные национальные традиции, на которые должно опираться развитие народной культуры в Польше. Культура, наука, искусство должны быть связаны с чаяниями народных масс, отражать их устремления, воспитывать народ в духе демократии и социализма.

Народная демократия в Польше, учитывая итоги первых четырех лет своего существования, имеет полное право с гордостью говорить о том, что она возрождает подлинно национальную польскую культуру.

Однако значительные слои польской интеллигенции, уже примкнувшие к народной демократии, все еще не расстались окончательно с мифом о «единной и своеобразной западной культуре», доставшимся им в наследство от шлактово-буржуазной Польши, все еще не освободившись от влияния этой упадочной, вырождающейся культуры буржуазного мира.

Надо сказать, что университет и различные научные центры в течение этих четырех лет крайне недостаточно способствовали разрушению мифа о «превосходстве западной культуры», а борьба, проводившаяся прогрессивными писателями и публицистами, не была последовательной.

Возникла насущная необходимость в планомерной и последовательной, опирающейся на учение марксизма-ленинизма, работе по разоблачению растленной капиталистической культуры.

Используя опыт советских литераторов, мы учимся у них подходу к творческим проблемам, чтобы избежать ошибок.

Адам ВАЖИК — известный польский писатель и критик.

Возникла насущная необходимость в планомерной и последовательной, опирающейся на учение марксизма-ленинизма, работе по разоблачению растленной капиталистической культуры.

Используя опыт советских литераторов, мы учимся у них подходу к творческим проблемам, чтобы избежать ошибок.

Владимир Соколовский в докладе о социалистическом реализме, построенном, в основном, на примере творчества А. М. Горького, указал, что в современной Польше на наших глазах вырастает новый человек, а вся страна идет к социализму. Существует мощная партия рабочего класса. С каждым днем усиливается ее влияние на широкие круги интеллигенции. Мы имеем уже и кадры прогрессивных, талантливых писателей. Следовательно, существуют реальные предпосылки для развития социалистического искусства и литературы.

Стефан Жулкевский осветил состояние современной польской прозы, публицистики и литературной критики. Он показал, как борьба за реализм в литературе, развернутая прогрессивной публицистикой, постепенно переходит в борьбу за социалистический реализм, но переходит еще медленно, стилидно, поскольку еще недостаточно усваивается опыт советских писателей. Он подчеркнул, что только четко и открыто провозглашенный принцип социалистического реализма может предохранить литературную критику от влияния формализма и мелкобуржуазного эмпиризма.

Прогрессивные писатели стремятся отразить в своем творчестве те огромные преобразования, которые происходят сейчас в Польше, но еще с большим трудом находят соответствующие художественные средства для этого. Не избежали до конца влияния буржуазных философов и декадентов всех мастей часто отгораживая писателя и затрудняют его путь к реалистическому показу новых процессов жизни в стране народной демократии.

С особой силой Жулкевский критиковал в своем докладе писателей, в творчестве которых имеются вредные, реакционные тенденции.

Ход дискуссии на с'езде писателей показал, что подавляющее большинство литераторов поняло, какую огромную ответственность накладывают на них решения объединительного с'езда польских рабочих партий. Они поняли, что передовой отряд польского рабочего класса всемерно поможет им справиться с трудностями прежних лет, поможет им заострить перо, чтобы оно лучше служило народу в его борьбе за социализм.

Это первые волны того поступательного движения в современной польской культуре, которое вызвано объединительным с'ездом рабочих партий. С'езд укрепил и во много раз увеличил силы работников культуры и искусства; он показал, что единый и сплоченный рабочий класс является единственной силой, которая может сплотить весь народ и создать подлинно народную, национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру новой Польши.

Владимир Соколовский в докладе о социалистическом реализме, построенном, в основном, на примере творчества А. М. Горького, указал, что в современной Польше на наших глазах вырастает новый человек, а вся страна идет к социализму. Существует мощная партия рабочего класса. С каждым днем усиливается ее влияние на широкие круги интеллигенции. Мы имеем уже и кадры прогрессивных, талантливых писателей. Следовательно, существуют реальные предпосылки для развития социалистического искусства и литературы.

Стефан Жулкевский осветил состояние современной польской прозы, публицистики и литературной критики. Он показал, как борьба за реализм в литературе, развернутая прогрессивной публицистикой, постепенно переходит в борьбу за социалистический реализм, но переходит еще медленно, стилидно, поскольку еще недостаточно усваивается опыт советских писателей. Он подчеркнул, что только четко и открыто провозглашенный принцип социалистического реализма может предохранить литературную критику от влияния формализма и мелкобуржуазного эмпиризма.

Прогрессивные писатели стремятся отразить в своем творчестве те огромные преобразования, которые происходят сейчас в Польше, но еще с большим трудом находят соответствующие художественные средства для этого. Не избежали до конца влияния буржуазных философов и декадентов всех мастей часто отгораживая писателя и затрудняют его путь к реалистическому показу новых процессов жизни в стране народной демократии.

С особой силой Жулкевский критиковал в своем докладе писателей, в творчестве которых имеются вредные, реакционные тенденции.

Ход дискуссии на с'езде писателей показал, что подавляющее большинство литераторов поняло, какую огромную ответственность накладывают на них решения объединительного с'езда польских рабочих партий. Они поняли, что передовой отряд польского рабочего класса всемерно поможет им справиться с трудностями прежних лет, поможет им заострить перо, чтобы оно лучше служило народу в его борьбе за социализм.

Это первые волны того поступательного движения в современной польской культуре, которое вызвано объединительным с'ездом рабочих партий. С'езд укрепил и во много раз увеличил силы работников культуры и искусства; он показал, что единый и сплоченный рабочий класс является единственной силой, которая может сплотить весь народ и создать подлинно народную, национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру новой Польши.

Ход дискуссии на с'езде писателей показал, что подавляющее большинство литераторов поняло, какую огромную ответственность накладывают на них решения объединительного с'езда польских рабочих партий. Они поняли, что передовой отряд польского рабочего класса всемерно поможет им справиться с трудностями прежних лет, поможет им заострить перо, чтобы оно лучше служило народу в его борьбе за социализм.

Это первые волны того поступательного движения в современной польской культуре, которое вызвано объединительным с'ездом рабочих партий. С'езд укрепил и во много раз увеличил силы работников культуры и искусства; он показал, что единый и сплоченный рабочий класс является единственной силой, которая может сплотить весь народ и создать подлинно народную, национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру новой Польши.

ВАРШАВА

Поэзия борьбы и правды

Поэзия французской революции 1848 года и Парижской Коммуны 1871 года, пробудившая в народе столько творческих сил, составляет славную главу в истории культуры Франции. Но глава эта до сих пор не написана французскими литературоведами и критиками. Да и как она могла быть написана, если до сих пор еще собраны даже биографические сведения о большинстве народных поэтов революционной Франции XIX века, до сих пор еще их произведения погребены в забытых, ни разу не переиздававшихся сборниках, расценены по страницам полустежелых газет!

Французская революционная поэзия XIX века, давшая в 1848 и в 1871 годах две столь яркие вспышки неугасимого пламени французского народного творчества, не только не утратила своего идейно-художественного значения, но, в условиях нашего времени, перед лицом фашизирующей буржуазии Запада, приобретает еще большую остроту.

Выпуск Государственным издательством художественной литературы двух сборников французской революционной поэзии без преувеличения можно назвать большим литературным событием.

Антология «Поэзия французской революции 1848 года» почти целиком посвящена творчеству революционно-демократических поэтов и песенников. В ней представлены Эжен Потье, Пьер Дюпюа, П. Лашамбоди, Беранже и многие другие. Особенно интересны многочисленные сатирические стихотворения в форме басен и политические песни. Все они звучат живо, остро, перекладываясь народным французским остроумием, весельем и бодростью людей труда, их верой в лучшее будущее. Этот мотив сочетается о гневом и презрением к буржуазным политикам и помещикам, спекулянтам, ростовщикам.

Лучшие произведения революционных поэтов Франции и в пору свирепой реакции полны неугасающей надежды на конечную победу.

Достижения поэтов Французской революции 1848 года перешли, как законное наследие, к поэтам Парижской Коммуны 1871 года. Но при всей преемственности связи между этими двумя славными этапами революционной поэзии французского народа, поэзия Коммуны заметно отличается от поэзии 1848 года и содержанием, и всем своим художественным складом. Уже не обездоленный труженик, а революционный пролетарий — ее основной герой. И герой этот борется не за туманный идеал «братства» и «свободы», а за новое, коммунистическое общество.

С наибольшей наглядностью эта принципиальная новизна поэзии Коммуны проявляется в творчестве Эжена Потье. Он был активным участником февральской революции и июньского рабочего восстания 1848 года, затем, через много лет, — членом Коммуны и славным бойцом на последних ее баррикадах, а после ее разгрома — изгнанником, лишь в 1880 году (после амнистии) получившим возможность вернуться на родину.

Все творчество этого рабочего-поэта служило делу революции, но только Коммуна принесла настоящий, поразительный расцвет его песенному дару, только Коммуна дала ему силы в условиях парижского подполья 1871 года, перед отъездом в эмиграцию, написать такое мощное произведение, как революционный протестарский гимн «Интернационал». Только Коммуна могла подкачать тому же Э. Потье и его песню об «Инсургенте», который рассчитывается с богачами, завладевает машинами и станет хозяином обновленной земли.

В героических гимнах Келлера, Делорма и Шатена звучит убеждение, что фабрики и земли перейдут, наконец, в руки рабочих и крестьян. Амиль де Руа славит, вслед за своим учителем Потье, грядущий коммунизм.

Составил сборники Ю. Данилин, в основном, по материалам французской прессы, листовкам и редчайшим изданиям, хранящимся в библиотеке Института Маркса-Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), Стхотворения Луизы Мишель, написанные ею в версальских тюрьмах, впервые опубликованы Ю. Данилиным по рукописям, находящимся в Центральном архиве института.

У составителя сборников были хорошие помощники — советские переводчики. Перевод стихов для «Антологии поэзии Парижской Коммуны 1871 года» осуществлен коллективом поэтов. Удачны переводы А. Жарова, А. Кочеткова, некоторые переводы А. Мушниковой.

Стихи для сборника «Поэзия французской революции 1848 года» переведены В. Дмитриевым. Ему удалось передать на русском языке и лукавую, метко разиющую иронию басен Лашамбоди, и широкую напевность революционных песен Пьера Дюпюа, и, пожалуй, лучше всего, гневную силу стихов Э. Потье.

Говоря о переводах В. Дмитриева, нельзя не упомянуть об одном обстоятельстве — уют пятилетним ребенком являлся слуха. В таких случаях человек осужден на глухоту. Но В. Дмитриев, научившись «слушать» и говорить по способу глухонемых, добился осуществления своей мечты: он стал поэтом. Кроме того, он в совершенстве изучил французский язык. Для тех, кто знает об этом, стихи переводчицы В. Дмитриева звучат песней торжествующей человеческой воли, торжествующего советского характера.

Антология «Поэзия французской революции 1848 года», Государственное издательство художественной литературы, М., 1948 год.
«Антология поэзии Парижской Коммуны 1871 года», Государственное издательство художественной литературы, М., 1948 год.

ЭТОТ ПЛАКАТ ЗАПРЕЩЕН ВО ФРАНЦИИ

На снимке — плакат работы известного прогрессивного французского художника Фужерона, призывающий к единению и миру и запрещенный во Франции.

Надпись на этом плакате гласит:

«Союз с Германией и войной против СССР приведут к уничтожению Франции» (вверху);
«Этому мы должны противопоставить единство и действие. Надо спасти мир» (внизу);
Рабочий Улье, пытавшийся наклеить этот плакат на стене здания

библиотеки в одном из пригородов Парижа, был убит полицейскими Жюль Мокс. Этот террористический акт вызвал глубокое возмущение трудящихся Франции. В Парижском районе и других местах состоялось многочисленных собрания и митинги против полицейских репрессий.

Известный деятель компартии Жак Дюкло заявил резкий протест в парламенте, указав, что «настоющим виновником преступления является министр внутренних дел Жюль Мокс».

ВАРШАВА

Братья ТУР

Один из видных наших кинорежиссеров, руководивший хроникальными с'емками на конференции в Потсдаме, рассказывая, что как-то в перерыве между заседаниями к нему подошел американский майор и, помахав перед носом ручными часами на нейлоновом ремешке, предложил:

— Возьмите часики, сэр.

— Благодарю вас, — ответил режиссер, — я не нуждаюсь в подарках.

— А я не дарю, — уточнил майор, — я прощаю. Восемнадцать камней! Точное время! О цене не говоримся.

Удивленный режиссер рассказал об этом в тот же вечер американскому полковнику.

— Я не понимаю, как ваш майор может риниться спекулировать часами...

— Вам, наверное, показалась дорогой цена? — спросил полковник. — В таком случае я могу променять подешевле. Если хотите, целую дюжину.

И он вынул из кармана целую горсть тикавших часов разных размеров и марок.

— Нет, — сказал режиссер, — вы меня не так поняли. Я вообще не могу взять в толк, как ваши офицеры решаются упускать свое достоинство торгашескими механизмами.

— Понимаешь! — свистнул полковник. — Погляньте на этого парня у колонны. — И он указал пальцем на видного американского генерала-дипломата. — Он начал с торговли подтяжками, а сейчас торгует целыми странами. Это тоже бизнес. Все дело в масштабах, сэр. Разница — в цене.

Для них, действительно, все дело в мас-

Клей недоволен Маяковским

штбах. Безвестные майоры торгуют карманными часиками в розницу, полковники — оптом, а генералы — акциями, урановой рудой и странами. Известно, что немало американских генералов является перепродателями биржевиками, для которых кровь народов — лишь предмет котировки. И нефом этих спекулянтов в военных мушкетерах является американский военный губернатор в Западной Германии — генерал Люйбес Клей.

Признайтесь, что-то не припомним, какие сражения выиграл в недавней войне безизвестный генерал Клей, какими кампаниями он руководил, в каких боях прославил свое имя. Но ожесточенная батальная, которую он развернул сейчас в Бразилии, против великого советского поэта Владимира Маяковского, безусловно не вылетит «боевых лавров» в венки его полководческой славы.

История «битвы» генерала Клея с поэтом Маяковским весьма интересна.

В 1925 году Владимир Маяковский посетил Гаванну, табачную столицу Кубы, родину знаменитых ситар. Он написал стихи о Гаванне. В этих стихах он воспеял не пальмы, не фламинго, не нарядную Прадо. Великий поэт с нежностью и грустью написал о негре Виалли, чистяльщике сапог на одной из городских улиц.

В Гаванне все разграничено четко: у белых доллары, у черных — нет. Поэтому Виалли стоит со шеткой у «Эрни Клей энд Бок, лимитед».

Много
ва жизнь
повисел Виалли —
одних пыльных
целей лес, —
поэтому
волос у Виалли
вылез,
поэтому
живот у Виалли
влез.

Напомним читателям, что происходит далее в стихотворении «Блэк энд уайт». Сахарный король мистер Брегг наносит визит ситарному королю мистеру Эрни Клею, а негр Виалли задает сахарному магнату неосторожный вопрос о расовой и социальной несправедливости, на что получает ответ... кулаком в зубы.

Цвета
кругом
чудеса ботаники
Бананы
сплетали
сплошной кров.

Вытер
негр
о белые подтанники
руку,
с носом утершую кров.

Это стихотворение было помещено в сборнике стихов Маяковского, выпущенном недавно в переводе на немецкий язык в Берлине. Прочитав эти стихи, генерал Клей пришел в бешенство. Он тотчас издал яростный приказ уничтожить в американской зоне экзemplары этого сборника.

В чем же причина столь яростной атаки генерала Клея против Владимира Маяковского? Оказывается, ситарный король Америки Эрни Клей, о котором идет речь

в стихотворении Маяковского «Блэк энд уайт», принадлежит родным папашей «самодержцу Бразилии» генералу Клею! «Запретив» Маяковского, достойный сын вступился — с некоторым опозданием, правда, — за своего отца и за торговую честь семейной фирмы «Эрни Клей энд Бок, лимитед». По генеральскому мундиром закатотала узавленная душонка оптового торговца!

Это именно о нем Владимир Маяковский сказал:

Но пока
доллар
всех помз розной
Обирая,
лапа,
хапая,
выступает,
порфиры надла Бродвей,
капитал —
его препохабе.

Его препохабе американский генерал в припадке свиногого гнева не понимает что, «запретив» Маяковского, он тем самым лишь подкрепляет гневную правоту обличенный великого советского поэта.

Есть глубокий смысл в том, что острая поэтическая стрела Маяковского, пушенная ерванителью недавно в мистера Эрни Клея, колонизатора Кубы, настигла сегодня его сына, колонизатора Западной Германии. Маяковский сегодня — в боевом строю демократических сил, борющихся с его препохабем, рассматривающим все на свете, как предмет торговли: от карманных часиков и до спекуляции на «холодной войне», на «помощи» порабидаемым и угнетенным народам. Разница в цене!

Лейбористский хамелеон

У хроникеров из «Обсервера» достопопечительный сэр Харти Уильям Шоукросс славит самым модаым «джентльменом среди лейбористских правителей Англии. Генеральный прокурор Союзиненного королевства любит одеваться «артистически». До недавнего времени он появлялся в свете не иначе, как в красном галстуке и с красным шелковым платочком в верхнем кармане пиджака; галстук красного цвета, надо полагать, должен был символизировать, что его обладатель — стопроцентный социалист.

Консерваторы считают Шоукросса модолом всего сорок семь лет. Однако с некоторых пор сей деятель зашел в унисон со стариком Черчиллем, и это, несомненно, успокоило тех, кто брызгал, что генеральный прокурор слишком модод.

Сын паны-либерала и мамы-суфражистки, Харти в шестнадцать лет объявил себя социалистом и начал обучаться ораторскому искусству на уличных диспутах. В двадцать три года Шоукросс стал адвокатом. К этому времени он уже имел сложившуюся репутацию «практичного человека»: свою клиентуру он вербовал среди промышленников, которым всегда был готов оказать любые услуги. (Заметим в скобках, что впервые практическую сметку маленький Харти проявил еще в колледже: он выпускал рукописную газету и отдавал ее за два пенса на прокат для прочтения соученикам и многочисленным родственникам...). Так как в Лондоне было трудно пробить себе дорогу, то молодой лейборист перебрался в Ливерпуль. Там он поражал всех, являясь в зал суда с сенбернар на попечке, в канаречном пуловере, светлокоричневом костюме и замшевых ботинках...

Однако подлинную известность сэру Харти Шоукроссу принесла не его экстравагантные костюмы и манеры, а быстрота, с какою менялась его политическая окраска... Сегодня этому политическому хамелеону был бы к лицу только коричневый галстук. Ибо ныне публично высказываемые им взгляды поразительно совпадают со взглядами тех пошловенных господ, которых еще совсем недавно Шоукросс, как главный обвинитель от Великобритании, осуждал на Нюрнбергском процессе. Теперь сэр Шоукросс сам выступает как отвальный поджигатель войны.

Народ Англии еще не забыл, как Шоукросс на всех лейбористских митингах сорок шестого года повторял, что время сокращения политических бinges прошло и что если страны вернутся к этой практике, то вновь начнется война. Еще более многообещающие слова генеральный прокурор произнес во время поездки в Польшу. В июне 1946 года Шоукросс заявил в Варшаве, что Великобритания поддерживает Ягтинское и Потсдамское соглашения и полностью признает западные границы Польши. Он патетически воскликнул: «Армия Андерса будет демобилизована и распущена!»

Поговнив в разрушенной немцами Варшаве несколько дней, Шоукросс вернулся домой. И немедленно опубликовал заявление о том, что никогда и ничего не говорил относительно западных границ Польши! Вероятно, в этот день на Шоукроссе был галстук не красного цвета, как обычно, а вполне консервативного черного цвета.

Седьмого января 1947 года на митинге в Лутоне (графство Бедфорд) Шоукросс обнародовал свою программу. «Политический конфликт, — заявил он, — который наблюдается сегодня в Европе, это не конфликт между консерватизмом и социализмом, это конфликт между социал-демократизмом и коммунизмом».

ЛИХОЙ АМЕРИКАНСКИЙ НАЕЗДНИК И ЕГО БОРЗЫ АНГЛИЙСКИЙ КОНЬ (Кадоган, Шоукросс и др.).

Надо ли говорить, что эта программа весьма сблизила «социалиста» Шоукросса с консерваторами. Как известно, некоторые английские государственные деятели умеют быть полезными и консерваторам и лейбористам и благодаря этому долгие годы неизменно остаются у кормила власти. А сделать коммунизму мισηью для упреждений в ораторском искусстве — идея не новая. И Черчилль, и Гаттер начинали с этого...

Когда английская внешняя политика, возглавляемая Бевном, окончательно стала на путь разжигания новой войны, когда лейбористские вожаки окончательно отдали Англию во власть монополистического капитала США, Харти Шоукросс понял, что скрывать далее свои истинные убеждения незначит. И 12 марта прошлого года, на митинге в Стурбридже (графство Вестершир), он повел последнюю «идеологическую базу» под свои изменчивые «взгляды».

Заключительная ария хамелеона звучала так: «Поверьте мне, что три или два года назад я имел исключительно сильные прорусские настроения, находясь на крайнем левом крыле своей партии... Но за последние годы я понял, что происходит!»

Оставалось сделать последний шаг, чтобы перейти в лагерь открытых поджигателей войны. И 9 апреля Шоукросс его сделал, развив в Хорифорде свою точку зрения: «Страны Западной Европы должны либо объединиться, либо погибнуть...» Хамелеон принял, наконец, ту самую окраску — коричневую, с зеленой долларовой полоской, — которой ему давно не доставало.

Не так давно, в январе, Харти Шоукросс, выступая на одном из собраний в Лондоне, сказал: «Иностранное государство совершили бы большую ошибку, если бы поверяли... будто Англия никогда не будет воевать». Таким образом, сэр Шоукросс как бы одобряюще протянул через Атлантический океан дружескую руку сэру Кадогану — английскому представителю в Совете Безопасности, ныне «уопешно» продолжающему саботаж вопроса о разоружении.

Английский народ хочет прочного и длительного мира. Этого не следовало бы забывать лейбористскому хамелеону Харти Шоукроссу и его друзьям. Последнее слово всегда принадлежало и будет принадлежать народу.

Николай АСАНОВ